

БЛАЖЕННЫЙ АВГУСТИН ГИППОНСКИЙ

ПРОТИВ ПОСЛАНИЯ ПАРМЕНИАНА

КНИГА ПЕРВАЯ

перевод с латинского,
вступительная статья и примечания

Святослав Олегович Чернов

преподаватель кафедры филологии
Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
vyachernov@gmail.com

Евгений Викторович Ткачёв

магистр филологии и истории Древнего Востока
старший преподаватель кафедр филологии и богословия
Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
tkevgen@gmail.com

Для цитирования: Блаженный Августин Гиппонский. Против послания Пармениана. Книга первая / перевод с латинского, вступительная статья и примечания С. О. Чернова под ред. Е. В. Ткачёва // Метафраст. 2022. № 2 (8). С. 71–102. DOI: 10.31802/METAFRASST.2022.2.8.002

Аннотация

Данная статья представляет собой перевод с латинского языка на русский первой книги сочинения блж. Августина «Против послания Пармениана». Это произведение полемического

УДК 2-284

характера, которое состоит из трёх книг, является ответом блж. Августина на письмо донатиста Пармениана к Тихонию. Трактат имеет важность как для изучения истории донатистского раскола, так и для раскрытия православной экклезиологии. Антидонатистские произведения Августина недостаточно глубоко изучены русской богословской наукой. Данный перевод является попыткой перевода на русский язык одного из важнейших произведений антидонатистского цикла блж. Августина.

Ключевые слова: Августин, Пармениан, донатизм, Церковь, Тихоний, донатистский раскол.

Saint Augustine of Hippo

AGAINST A LETTER OF PARMENIAN BOOK 1

Translation from Latin, Introductions and Note

Svyatoslav O. Chernov

Lecturer at the Department of Philology at the Moscow Theological Academy
Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

Eugeny V. Tkachev

Master of Theology and the History of Ancient Orient
Senior Teacher at the Departments of Philology and Theology
at the Moscow Theological Academy
Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia
tkevgen@gmail.com

For citation: "Saint Augustine of Hippo. 'Against a Letter of Parmenian'. Book 1". Translation from Latin, Introductions and Notes by S. O. Chernov and E. V. Tkachev. *Metaphrast*, № 2 (8), 2022, pp. 71–102 (in Russian). DOI: 10.31802/METAFRASST.2022.2.8.002

Abstract. The article includes the translation from Latin to Russian the first book of the work of St. Augustine «Against a Letter of Parmenian». The polemical treatise consists of three books and represents Augustine's response to the letter of the Donatist Parmenian to Tychonius. The treatise is important both for the study of the history of the Donatist schism and for the disclosure of Orthodox ecclesiology. Augustine's Anti-Donatist works have not been studied deeply enough by Russian theological science. This translation is an attempt to translate into Russian one of the most important works of the Anti-Donatist cycle of St. Augustine.

Keywords: St. Augustine, Parmenian, Tychonius, Donatism, Church, The Donatist schism.

Введение

В начале IV в. в Карфагенской церкви возник раскол, который стали именовать донатистским, по имени лидера движения — Доната, еп. Нумидии¹. Своё начало раскол берёт от периода гонений на христиан при имп. Диоклетиане в 303–305 гг. Это гонение дало Церкви множество святых мучеников и исповедников за веру². Но худшим наследием гонений был новый раскол, вызванный сотрудничеством многих епископов с властями Римской империи, — большинство африканских епископов подчинилось императорскому эдикту о выдаче властям священных книг³. На Востоке к сдаче властям церковных книг относились с терпимостью, на Западе преобладала более экстремистская точка зрения: большая группа христиан называла отступников *traditores* (предателями)⁴. Возглавлявший карфагенскую кафедру еп. Мензурий проявил хитрость: он выдал государственным чиновникам вместо священных книг еретические, чем спас себя впоследствии от обвинений в предательстве⁵. Группа христиан, находившаяся в тюрьме в Карфагене, отказалась от евхаристического общения с *traditores*⁶. Многие исследователи донатистского раскола считают, что благоприятным условием для возникновения раскола в Северной Африке стал неумеренный дух ревности христиан той области. Христиане Африки всегда были расположены к такой ревности не по разуму. Здесь монтеизм нашёл себе благоприятную почву в лице неумеренного ревнителя благочестия Тертуллиана; в Африке образовался раскол новациан, строгие правила которых были приняты там с величайшим восторгом;

- 1 Обстоятельную статью об истории донатистского раскола см.: *Ткаченко А. А. Донатизм // ПЭ. М., 2007. Т. 15. С. 654–657.* Донат был одним из основных идеологов раскола 312 г., он прославился своим непримиримым отношением к предателям (*traditores*), отвергал Карфагенскую церковь, как терпевшую в своём составе «предателей», и распространил на членов этой Церкви и вообще на падших обычай вторичного крещения и вторичного рукоположения, если это был священнослужитель. Впоследствии вторичное крещение превратилось в один из конфессиональных принципов донатизма.
- 2 См.: *Eusebius Caesariensis. Historia ecclesiastica VIII, 2–13 // SC. 55. P. 6–32.*
- 3 *Ibid. VIII, 2 // SC. 55. P. 7.*
- 4 *Болотов В. В. Лекции по истории древней Церкви: История Церкви в период до Константина / изд. под ред. и с предисл. проф. А. Бриллиантова. СПб., 1910. Т. 2. С. 395–423; Дворкин А. Л. Очерки по истории Вселенской Православной Церкви: Курс лекций. Нижний Новгород, 2005. С. 170.*
- 5 См., например: *Acta Saturnini 17 // PL. 8. Col. 700; Augustinus Hipponensis. Breviculus collationis cum Donatistis 13, 25 // PL. 43. Col. 638–639.*
- 6 *Acta Saturnini 18 // PL. 8. Col. 701.*

здесь же поддерживался строгий взгляд сщмч. Киприана Карфагенского на недействительность крещения у раскольников. Во время Диоклецианова гонения африканские христиане проявили этот дух неразумной ревности, и поэтому стремились стать мучениками вследствие буйного и недолжного поведения, надеясь таким образом смыть кровью все свои грехи⁷. Движение таких мучеников было распространено в Карфагене, а особенно в Нумидии (ныне сев. Тунис и Алжир). Такого рода мученичеству противостоял Мензурий Карфагенский. Он запрещал своей пастве посещать темницы, где находились провокаторы, желавшие стать мучениками. Главным его помощником в этом деле был архидиакон Цецилиан⁸.

После окончания гонений 3 марта 305 г. состоялся собор в Цирте из двенадцати епископов для расследования дела о падших⁹. Председательствовал на соборе Донат¹⁰. Секунд Тигизийский (еп. города в Нумидии) спросил участников собора, признают ли они себя предателями. Но один из епископов собора упрекнул самого Секунда в отступничестве, и когда расследование обнаружило, что в предательстве были замешаны большинство членов собора, они решили — забыть прошлые грехи ради сохранения мира, каждый должен отвечать за свои дела только перед одним Богом. Таким образом, по свидетельству св. Оптата Милевского¹¹, вожди донатистского раскола сами были предателями.

После смерти Карфагенского еп. Мензурия, последовавшей в 311 г., на вакантную кафедру претендовали два пресвитера, Ботр и Целезий. Они, преследуя свои цели, предложили собору произвести избрание преемника без участия епископов из Нумидии. Собор избрал архидиакона Цецилиана, и он был посвящён еп. Феликсом

7 *Augustinus Hipponensis. Breviculus collationis cum Donatistis III // PL. 43. Col. 625. См.: Робертсон Д. С. История Христианской Церкви. СПб., 1890. Т. 1. С. 179.*

8 *Augustinus Hipponensis. Breviculus collationis cum Donatistis 14, 26 // PL. 43. Col. 639; Acta Saturnini 17 // PL. 8. Col. 700–701.*

9 *Optatus Milevitanus. De schismate Donatistarum adversus Parmenianum I, 14, 1–2 // SC. 412. P. 203.*

10 Дж. Робертсон считает, что на соборе председательствовал Секунд Тигизийский: *Робертсон Д. С. История Христианской Церкви. Т. 1. С. 176.*

11 Свт. Оптат Милевский — святой 2-й пол. IV в., написавший обширный труд в семи книгах против донатистов — «О схизме донатистов. Против Пармениана» (*Optatus. De schismate Donatistarum adversus Parmenianum // PL. 11. Col. 883–1104B*). До блж. Августина он был первым православным полемистом против донатизма.

Аптунгийским¹². Недовольные пресвитеры пригласили в Карфаген семьдесят Нумидийских епископов, которые под председательством Секунда признали посвящение Цецилиана недействительным, поскольку избрание его было проведено с нарушениями — на хиротонии отсутствовал примас Нумидии, имевший привилегию посвящать Карфагенских епископов. Были выдвинуты обвинения в адрес Цецилиана и в адрес рукополагавшего его Феликса. Первого обвиняли в жестокости, что он во время гонений будто бы запрещал приносить пищу исповедникам, так что разбивал приносимые сосуды с пищей, отчего некоторые из узников умерли. Второго — в том, что он является из числа *traditores*¹⁵. Нумидийцы отлучили Цецилиана с его приверженцами, а на карфагенскую кафедру поставили Майорина, которого признала часть местных церквей. В результате образовались две самостоятельные церковные организации, во главе каждой из которых стоял карфагенский примас.

Как было сказано выше, первым епископом у раскольников был Майорин. После его смерти, последовавшей в 315 г., поставили епископом Доната, по имени которого раскол получил своё название. Это был человек учёный, красноречивый, плодовитый писатель, человек строгой жизни, но необычайно гордый¹⁴. Он будто бы желал, чтобы его последователи назывались его именем, а не именем Христа. Вёл себя высокомерно по отношению к другим епископам своей общины, легкомысленно злоловил всех, не соглашавшихся с ним. По замечанию Ф. Фаррара, «Донат был нечто более, чем высокомерный тщеславец, как его описывают враги. Сам Августин допускает его искренность и влияние и сравнивает его характер с характером Киприана»¹⁵. Донат привлек на свою сторону множество христиан, стал вдохновителем религиозных фанатиков «циркумцеллионов», которые много лет наполняли ужасом Северную Африку, нападая на земли богатых людей, на церкви православных. *Circumcelliones* буквально означает «живущие вокруг сельских жилищ». Значительное количество данных о циркумцеллионах содержится в сочинениях блж. Августина. Он характеризует их как людей, которые не занимаются каким-либо полезным делом, не занимаются полевыми работами и бродят

12 *Augustinus Hipponensis. Epistulae* 43, II, 3 // PL. 33. Col. 160.

13 *Acta Saturnini* 17 // PL. 8. Col. 700–701.

14 *Робертсон Д. С. История Христианской Церкви. Т. 1. С. 180.*

15 *Фаррар Ф. В. Жизнь и труды святых отцов и учителей Церкви. СПб., 1903. Т. 2. С. 379.*

ради своего пропитания вокруг крестьянских домов¹⁶. Из толкования 132-го псалма мы можем узнать о значении слова «агонистики» в христианской терминологии того периода. Для Августина и христиан это имя было почётным, поскольку связано было со словом ἀγών / agōn — «состязание»¹⁷. В африканской христианской литературе III в. это слово означало борьбу христианина с силами зла¹⁸. Следовательно, имя, которым называли себя циркумцеллионы, выражало их деятельность как непримиримых и воинствующих защитников «истинной веры»¹⁹. Из множества свидетельств Августина нам становится известно о многообразных чудовищных проявлениях религиозного фанатизма циркумцеллионов²⁰. Судя по произведениям Августина, агонистики действовали совместно с донатистскими клириками и под их руководством. Августин называет донатистских епископов *principes circumcellionum*²¹, он указывает, что издание эдиктов против донатистов было вызвано террором циркумцеллионов²².

Развитие раскола

Имп. Константин, видя фанатизм раскольников и бесполезность применения силы, решает действовать убеждением. В 317 г. он пишет православным епископам Северной Африки послание, в котором убеждает относиться к раскольникам с мягкостью. В 321 г. он отменяет законы против них, позволяет вернуться ссыльным донатистам²³ и дарует им религиозную свободу²⁴. Всё это привело лишь к увеличению числа сторонников Доната: уже на Карфагенском соборе 336 г., созванном еп. Донатом, присутствовало 270 епископов. Как свидетельствует блж. Иероним,

16 *Augustinus Hipponensis. Contra Gaudentium, Donatistarum episcopum I, 28, 32 // PL. 63. Col. 707–752.*

17 *Augustinus Hipponensis. Enarrationes in Psalmos 132, 6 // CCL. 40. P. 1930–1931.*

18 См.: *Cyprianus Carthaginiensis. Epistulae 10, 4. См.: Диллигенский Г. Г. Северная Африка IV–V вв. М., 1961. С. 175.*

19 См.: *Диллигенский Г. Г. Северная Африка IV–V вв. С. 176.*

20 Агонистиками донатисты называли сами себя, а циркумцеллионами именовали их кафолики.

21 *Augustinus Hipponensis. Contra Cresconium Grammaticum Donatistam III, 42.46.47.51 // PL. 43. Col. 520–527.*

22 *Ibid. III, 43.47 // PL. 43. Col. 521–524. См.: Диллигенский Г. Г. Северная Африка IV–V вв. С. 185.*

23 *Eusebius Caesariensis. Vita Constantini 1, 45 // SC. 559. P. 245; Augustinus Hipponensis. Post collationem ad Donatistas liber unus 31, 54; 33, 56 // PL. 43. Col. 685–687.*

24 См.: *Поснов М. Э. История Христианской Церкви (до разделения Церквей — 1054 г.). Брюссель, 1964. С. 321.*

на сторону донатистов перешла «почти вся Африка»²⁵. Особенно сильные позиции донатистов были в районах Нумидии и Мавритании²⁶.

Раскол достигает своего апогея в 70–80-х гг. IV в. В это время во главе раскола стоял, преемник Доната, Пармениан Карфагенский († ок. 392 г.)²⁷, человек, управлявший партией раскольников в течение нескольких десятилетий. О личности Пармениана нам известно из отрывочных сведений, в основном сохранившихся в антидонатистских сочинениях — это, прежде всего, сочинение св. Оптата Милевского «Против донатиста Пармениана» и некоторые сочинения блж. Августина. Точное происхождение Пармениана не ясно, известно лишь, что он был «чужестранцем» в Северной Африке²⁸. Местом его происхождения могла быть любая провинция Римской империи. Точной даты его рождения также нельзя назвать, но предположительно он был ровесником св. Оптата, который родился в 20-е гг. IV в.²⁹ С уверенностью можно сказать, что после смерти в ссылке еп. Доната (ок. 355 г.)³⁰, Пармениан становится лидером партии раскольников в изгнании. Можно предположить, что в своей среде он отличался образованностью и выдающимися личными качествами. Августин свидетельствует, что его действия характеризовались решительностью³¹. После прихода к власти имп. Юлиана Отступника, который издал в 362 г. указ о возвращении всех ссыльных епископов, Пармениан вернулся из ссылки в Северную Африку. По прибытии в Карфаген, где число раскольников за годы репрессий значи-

- 25 *Hieronymus Stridonensis. De viris illustribus* 93 // *Hieronymus. De viris illustribus liber. Accedit Gennadii Catalogus virorum inlustrium* / hrsg. W. Herding. Lipsiae, 1924. S. 54. Рус. пер.: *Иероним Стридонский, свт. О знаменитых мужах* 93 // *Подвижники: Избранные жизнеописания и труды*. Самара, 1999. Т. 2. С. 50.
- 26 *Augustinus Hipponensis. Epistulae* 58, 1; 129, 6 // PL. 33. Col. 225, 493.
- 27 Пармениан сменил Доната ок. 350 г. (PL. 11. Col. 763A). Есть другая дата епископства Пармениана — с 368 г. (PL. 12. Col. 1196A). Обстоятельную статью о личности Пармениана Карфагенского см.: *Кечкин И. Э. Пармениан — донатистский епископ Карфагена // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*. 2013. № 2. С. 54–63.
- 28 *Optatus Milevitanus. De schismate Donatistarum adversus Parmenianum* I, 5, 4; II, 7, 3; III, 3, 2 // SC. 412. P. 182, 258; SC. 413. P. 20.
- 29 См.: *Кечкин И. Э. Пармениан — донатистский епископ Карфагена*. С. 56.
- 30 Некоторые исследователи относят смерть Доната к 350 г., но это мнение сегодня фактически не отвергнуто. Большинство современных исследователей высказывается за 355 г.: *Monceaux P. Histoire litteraire de l'Afrique chretienne depuis les origines jusqu'a l'invasion arabe*. Vol. 5: Saint Optat et les premiers ecrivains donatistes. Paris, 1920. P. 222; *Faul D. Donatism // The New Catholic Encyclopedia*. Vol. 4. Washington (D.C.), 2003. P. 862; *Flinn K. F. Donatism // Encyclopedia of Catholicism*. Detroit (Mich.), 2007. P. 237; *Ткаченко А. А. Донатизм // ПЭ*. 2007. Т. 15. С. 654. См.: *Кечкин И. Э. Пармениан — донатистский епископ Карфагена*. С. 57.
- 31 *Augustinus Hipponensis. Sermo* 46, 8, 17 // PL. 38. Col. 279.

тельно сократилось, он стал вождём всего донатистского движения. За три десятка лет пребывания на кафедре Пармениану удалось в несколько раз увеличить число своих последователей, а в Нумидии донатистов становится больше, чем кафоликов. Несмотря на возникшие внутренние расколы в среде донатистов (в 360-х гг. откальвается партия рогатистов³², в 380-х гг. — партия Тихония Африканского, против которого Пармениан написал не сохранившееся до наших дней письмо), донатизм продолжает расти и укрепляться.

Тихоний († ок. 390 г. или в 1-е десятилетие V в.), донатист из мрян, писатель и экзегет, разорвал связь с «официальным» донатизмом, но поскольку ему не удалось впоследствии соединиться с Кафолической Церковью, он основывает собственную. Тихоний, будучи знатоком богословских и светских наук, по свидетельству блж. Августина, был красноречивым и остроумнейшим писателем³³. Несмотря на принадлежность к донатистскому расколу Церковь долгое время использовала его герменевтический труд «Книга о семи правилах для исследования и нахождения смысла Священного Писания»³⁴ как одно из лучших руководств к толкованию Св. Писания. Августин подробно рассматривает сочинение Тихония в своём труде «О христианской науке» (*De doctrina christiana*) и говорит об авторе так:

«Я со своей стороны почёл необходимым предварить занимающихся науками, чтобы они читали Тихониеву книгу, как много способствующую к уразумению Св. Писания; но, чтобы вместе с тем, не ожидали от неё того, чего она не имеет. Её должно читать с осторожностью не только по причине некоторых погрешностей, кои сочинитель сделал, как человек, но особенно по причине того, что он говорит в ней многое как донатист»³⁵.

- 32 Рогатисты (название получили по имени основателя, епископа г. Кантены Рогата) — группировка, отколовшаяся от донатизма, провозглашавшая приверженность к пацифизму и стремлению к личной чистоте.
- 33 *Augustinus Hipponensis. Contra epistulam Parmeniani* // PL. 43. Col. 33.
- 34 *Tychonius Afer. Liber de septem regulis* // PL. T. 18. Col. 15–66. Рус. пер.: [Тихония Африканца] Книга о семи правилах для исследования и нахождения смысла Священного Писания (*Liber de septem regulis ad investigandam et inveniendam S. Scripturae intelligentiam*) / Пер. П. Б-ов // Прибавления к ТСО в рус. переводе. 1892. Вып. 48 (март). С. 184–252, 333–373 = Альфа и Омега. 1999. Вып. 3(21). С. 57–81; Вып. 4(22). С. 77–102; 2000. Вып. 5(23). С. 51–66.
- 35 *Августин, блж. Христианская наука или Основания священной герменевтики и церковного красноречия*. СПб., 2006. С. 154–155.

Как экзегет, хорошо знавший Св. Писание, Тихоний, в спорных вопросах между православными и донатистами, находился ближе к православным. Так, по вопросу понимания вселенского характера Церкви, он стоит на тех же позициях, которые высказывал Августин — Церковь должна распространиться по всей земле и по всем народам. По вопросу святости Церкви, он также согласуется с православным пониманием — Церковь есть строящееся здание, в котором вместе находятся и грешники и праведные до суда Господня, и из-за этого обстоятельства она не перестаёт быть святой. Такие воззрения Тихония, тождественные с православными, послужили поводом для написания против него письма Пармениана.

В своём письме Пармениан излагает донатистскую версию происхождения раскола и доказывает на основании Св. Писания (ложно его толкуя), что отделение от «вероотступников» было его долгом. В ответ на это письмо Августин пишет своё сочинение против послания Пармениана, в котором излагает кафолическое учение о Церкви. Несмотря на то, что ко времени написания Августином этого антидонатистского сочинения Пармениан уже умер, поводом для его создания послужило, во-первых, то, что в среде раскола уважение к личности и к сочинениям Пармениана оставалось сильным; во-вторых, Пармениан допускал вольное толкование Св. Писания, и Августин хотел обратить на это внимание.

После смерти Пармениана 391/392 г.³⁶ происходит раскол внутри донатизма. Радикальное крыло возглавлял Примиан, умеренное — Максимиан. Сначала максимианисты в 393 г. на соборе в Цебарсуссе осудили Примиана за нарушение церковной дисциплины³⁷, затем в 394 г. сторонники Примиана на соборе в Багаи (310 епископов) провозгласили отделение от максимианистов³⁸.

Трактат блж. Августина «Против послания Пармениана», написанный ок. 400 г. и состоящий из трёх книг, представляет собой подробный разбор письма Пармениана, не имеющий систематического характера и единства содержания. Данная особенность была обусловлена самим характером послания Пармениана, который не имел определённой системы, но произвольно переходил от одного вопроса к другому. В первой книге, которая в большей своей части является исторической, Августин возражает на жалобы Пармениана на то, что православные

36 Точное время смерти Пармениана неизвестно, но большинством ученых указывается эта дата.

37 *Augustinus Hipponensis. Epistulae* 43, 9, 26 // PL. 33. Col. 172–173.

38 *Augustinus Hipponensis. Contra Cresconium grammaticum* III, 56.62; IV, 4.5; 7.9 // PL. 43. Col. 529–530, 549–553.

христиане прибегали к государственной власти для наказания еретиков и схизматиков. Основной вопрос, который здесь также разбирается — это вопрос о святости Церкви, в которой пребывают одновременно и праведные, и нечестивые. Донатисты полагали, что истинная Церковь сохранилась только в Северной Африке в среде их движения, где не было предателей; Вселенская же Церковь, распространённая по всему миру, по их мнению, была осквернена самим фактом церковного общения с Африканской Церковью, в лоне которой находились грешники. С точки зрения Августина, в Церкви до Страшного суда должны вместе находиться как праведные, так и грешные люди; и против последних невозможно применять крайние меры, но следует предоставить возможность расти плевелам вместе с пшеницей до жатвы. Церковь не перестаёт быть святой из-за факта пребывания в ней грешников. Другой аргумент, приводимый Августином, в пользу истинности и святости Вселенской Церкви — это обетование Божие, данное Аврааму: *В семени твоём благословятся все народы* (Быт. 22, 18), указывающее на распространение Церкви по всей вселенной. Августин доказывает, что семя Авраамово не может погибнуть, так как слово Божие не может быть ложным.

Вторая и третья книги трактата по преимуществу могут быть отнесены к эзегетическим, в них разбираются свидетельства из Св. Писания, используемые Парменианом для доказательства правоты донатистов.

Аврелий Августин, епископ Гиппонский

Против послания Пармениана Книга первая

Отвечает на послание, которое написал Пармениан Тихонию³⁹

I.1. По правде говоря, я уже подробно спорил с донатистами в другое время, как в писаниях, так и в диспутах, по силе, которую даёт мне Господь. Ныне же, так как в наши руки попало письмо Пармениана,

39 Перевод I книги «*Contra epistolam Parmeniani*» осуществлён по изданию: *Augustinus Hipponensis. Opera. Vol. 7/1. Scripta contra Donatistas: Psalmus contra partem Donati. Contra epistolam Parmeniani libri tres. De baptismo libri septem / ed. M. Petschenig, A. Goldbacher, J. Zycha, P. Knöll. Vindobonae, 1908. (CSEL; vol. 51). P. 19–43.* Мы также использовали текст, изданный Ж. П. Минем: *Augustinus Hipponensis. Contra epistolam Parmeniani // PL. 43. Col. 31–50.* Подзаголовки глав в изданиях отсутствуют, они приводятся для удобства ориентации в тексте. Цитаты из Св. Писания в нашем переводе переводятся заново.

бывшего когда-то их епископом, которое он написал к Тихонию, человеку, безусловно, одарённому и острым умом, и недюжинным красноречием, но всё же донатисту, ведь он находится в этом заблуждении, которое вынужден исповедовать как истину. Поэтому я решил, поскольку братья просили, а лучше сказать, повели, ответить здесь на это письмо Пармениана, прежде всего из-за некоторых свидетельств Писаний, которые он понял не так, как должно. Ибо Тихоний очнулся, поражённый голосами всех святых страниц, и увидел, что Церковь Божия распространена по всему миру, что и предвидели, и предсказали святые через свои сердца и уста. Увидев это, он начал показывать и доказывать своим сподвижникам, что никакой человек, даже порочный и тяжело согрешивший, не может быть лишён обетований Божиих, и никакое нарушение каких-либо церковных установлений не может привести к тому, чтобы было отменено обетование Божие о Церкви, которая должна распространиться до пределов земли, данное отцам и явленное ныне. Когда Тихоний таким образом глубоко и тщательно рассуждал и затыкал уста противоречащих многими, значительными и явными свидетельствами Священного Писания, он не увидел того, что вслед за этим нужно было увидеть, а именно того, что не те африканские христиане относятся к Церкви, распространённой по всему миру, которые отделяются от общения и единства с этим самым миром, но те, которые соединены с ним через общение. Пармениан же и прочие донатисты увидели это следствие, и захотели лучше противостать со всем упрямством против очевиднейшей истины, которую доказывал Тихоний, чем, приняв её, оказаться превзойдёнными африканскими церквами, которые наслаждались общением того единства, которое доказал Тихоний, и от которого те себя отделили. И Пармениан сначала думал, так сказать, вразумить его письмом, но затем, говорят, он был осуждён на их соборе. Итак, на это письмо Пармениана, которое он написал к Тихонию, осуждая его за то, что тот проповедует, будто истинная Церковь распространена по всему миру, и увещевая, чтобы он не делал этого, мы и решили ответить этим трудом⁴⁰.

40 Основной аргумент, который выдвигали богословы православной Церкви против донатистов, это понятие кафоличности как принципа единства Церкви. Богословие же донатистов опиралось на труды Тертуллиана и сщмч. Киприана. Церковь для них представлялась как «Церковь святых», общество избранных, куда нет доступа грешникам или еретикам. Поэтому основное направление мысли донатистских полемистов заключалось в оправдании самостоятельного существования их церкви и невозможности объединения с кафоликами, которые ссылались на свое общение с Римской и другими

Пармениан верит не в волю Божию, а в коллег

II.2. Итак, в начале рассмотрим, насколько верно утверждение, что «галлы, испанцы, италийцы и их соплеменники», под которыми он подразумевает почти весь мир, он называет «подобны, — как он говорит, — африканским предателям и в совершении преступлений, и в соучастии в преступлениях». Он обращается к человеку, сведущему в столь многих и столь значительных свидетельствах Священного Писания, и без всяких свидетельств хочет, чтобы тот ему поверил без всякой проверки, очевидно склоняя его подражать себе, ведь Пармениан и сам поверил на слово обвинениям неких своих соепископов, которые, в отличие от стольких Церквей, утверждённых по всему миру, не имеют ничего, кроме слов. Что может быть безрассуднее такого легковерия? Ибо говорит: «сначала, получив полномочия послов, некие», по его словам, «достойнейшие доверия свидетели отправились в те провинции», а затем «во время второго прихода святейших», как сам говорит, «священников Господних они сделали свои обвинения ясно публичными, с большей полнотой и правдивостью». О человек полагающий, что ему следует верить больше, нежели Богу! Тихоний припоминает о громах божественного Завета, которые случились в обетовании Аврааму и в обетовании Исааку и Иакову, о каковых Сам Бог свидетельствует, говоря: *Я есть Бог Авраама, Бог Исаака, и Бог Иакова. Вот имя Моё на веки* (Исх. 3, 6.15), и Пармениан противопоставляет этому рассказы своих братьев-священников! Что же сказано Аврааму? *В семени твоём благословятся все народы* (Быт. 22, 18). Что же сказано Исааку? *И благословятся в семени твоём все народы земные, за то, что Авраам, отец твой, послушался гласа Моего* (Быт. 26, 4.5). Что сказано Иакову? *Я есть Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака, не бойся. Ибо землю, на которой ты спишь, тебе дам и семени твоему, и будет семя твоё, как песок земли, и распространится до моря, до Африки и в Аквилона и на восток; и благословятся в тебе все племена земли, и в семени твоём* (Быт. 28, 13–14). Чтобы не полагали, что это сказано об иудеях, Апостол объясняет, что есть семя Авраамово, в котором, как сказано, должны благословиться все племена. Он говорит: *Аврааму сказаны обетования и семени его, не говорится: «и семенам», как бы о многих, но как бы об одном: «и в семени твоём», которое есть Христос* (Гал. 3, 16). Следовательно, то, что во Христе все народы получают благословение, обещано таким авторитетом, и с такой степенью

Церквами империи. Поэтому донатистские богословы считали, что истинная Церковь сохранилась только в Северной Африке.

истинности, и этому противоречат те, кто желают называть себя христианами! И что они противопоставляют этому? «По поручению посольства в эти провинции отправились некоторые весьма заслуживающие доверия свидетели; затем, во время второго путешествия этих святейших священников Господних, обвинение было обнародовано, ясно, с большей полнотой и правдивостью». Что же, спрашиваю тебя, было обнародовано через этих заслуживающих доверия свидетелей, каковых вы считаете заслуживающими доверия более, чем самого Бога? Что через африканских предателей семя Авраамово, которое есть Христос, не может перейти ко всем народам, и засохло там, куда оно уже перешло? Теперь вы говорите, что вашим сослужителям нужно верить больше, чем Завету Бога, и при этом вы радуетесь, что спасли от пламени тот Завет, который вы пытаетесь уничтожить своим языком⁴¹.

Донатисты бесстыдно заявляют: «только мы — христиане»

II.3. Но пусть каждый выбирает то, что ему угодно; и если какой-нибудь дым неправды земной затмевает небесные сияния, то да исчезнет он в ветре, очистив небо. Если бы Пармениан не был привязан к своей кафедре, он предпочёл бы лучше верить Священному Писанию, чем своим коллегам. Ибо Бог говорит Иакову: *Не оставлю тебя, доколе не исполню того, что Я сказал тебе* (Быт. 28, 15). Что касается их [послов], то, конечно, гораздо больше заслуживает доверия то, что они, уже осужденные справедливым приговором, не были допущены к общению в тех областях, где Бог исполнял обетования, данные нашим отцам, и которые поэтому выдвинули эти обвинения против святых священников Божиих, от которых они не добились приёма, чтобы таким образом потревожить лживыми слухами простые души обманутых ими людей и опрометчиво отделить от всеобщего мира доверчивые души, прельщённые их гордым именем. Что глупее этой глупости, а вернее, безумия? В столь многих народах земли Бог в значительной степени исполнил и исполняет, пока действительно не достигнет их всех, то, что Он обещал: *не оставлю тебя, доколе не исполню того, что Я сказал тебе* (Быт. 28, 15). И эти [донатисты] уже верят тем, кто объявляет, что Божье обетование не исполнилось; ведь семя Авраама, то есть Христа, исчезло из тех областей земли, в которых оно уже утвердилось, и обетования Божии упразднены: и всё это потому, что они не были

41 Очевидно Августин имеет в виду здесь, что донатисты, хвалясь тем, что не отдавали властям на сожжение священных текстов, уничтожают его своим учением.

допущены к общению с теми, на которых, по мнению всего мира, обещание уже было исполнено. И всё же им не говорят: «*Един Бог верен, всякий человек лжив* (Рим. 3, 4). То, что вы говорите, исходит от вас; ведь *тот, кто говорит ложь, говорит от своего* (ср. Ин. 8, 44). Итак, вы, как люди, лжёте, потому что, как люди, раздражаетесь». Нет, им так не говорят, а им верят, когда они заявляют, что Христос исчез с земли, которой Он уже начал владеть, и те, которые верят в это, бесстыдно говоря: «Мы христиане», также смеют утверждать: «Мы единственные [христиане]».

Пармениан не доказывает, что мир запятнан преступлением

III.4. Пармениан говорит: «доказательство того, что мир был осквернён преступлениями предательства и других святотатств, заключается в том факте, что во время гонений было совершено много таковых дел, и тем не менее в этих провинциях впоследствии не было сделано разделения между жителями». Как будто не могло быть такого, чтобы часть нечестивых оставалась сокрытой и не обвинённой, чтобы их можно было осудить без всякой спешки, а часть разоблачили и осудили; но с тех пор как их обвинили в очевидных фактах, они перестали смущать и разделять Церкви, поэтому возможно, что некоторые не были обвинены. В этом случае одни неясные преступления были переданы на суд Божий в обмен на известный мир, другие же, явные и доказанные, получили столь суровый приговор, чтобы ни один осуждённый не смог лицемерной невинностью обманывать людей и чтобы никоим образом не разрывались узы единства. Да и в Африке не было бы этого страшного зла раскола, если бы партия изобретателей лжи не взяла верх над разумом сторонников истины.

Цецилиан заочно осуждается за одни только предполагаемые преступления

III.5. Желаящие пусть прочитают то, что рассказывает и сколько доказательств и убеждений приводит епископ католической общины почтенной памяти Опат Милевский. Он говорит о Луцилле, в то время очень богатой женщине, великой, которую святой Цецилиан, ещё будучи диаконом, оскорбил, защищая церковную дисциплину; и о других членах её партии, либо расхитителях церковных сокровищ, либо тех, которые горевали, что не стали епископами и преследовал со всевозможными

интригами Цецилиана, которого предпочли им; о епископах Нумидии, которых призвала эта партия, чтобы погубить Цецилиана, низложить его и поставить на его место другого. Они, прибыв со своим примасом, в то время Секундом Тигисским, и с другими епископами, которым сам Секунд, чтобы способствовать миру, простил преступления передачи священных книг, преступления, в которых они сами сознались, как об этом свидетельствуют церковные акты. Они, не давая отсрочки для более тщательного расследования и не оставляя места для защиты, решили, что Цецилиан, который в то время отсутствовал, является предателем, чтобы тем самым навредить отсутствующему человеку, за преступление предательства, которое только предполагалось, в то время сами они, присутствующие, взаимно простили друг другу совершённые преступления. И вот, вместо ещё находящегося на кафедре епископа, с которым был в общении весь христианский мир, в заморских и более отдалённых областях, и в самих важнейших Церквях Африки, более устойчивых против таких обманов, он рукоположили другого епископа. Этим поступком они пытались оспорить Божьи обетования, чтобы все народы не получили благословения в семени Авраама, и пытались сказать, что африканские предатели заразили также те области мира, которые даже не слышали об имени Цецилиана; или, напротив, что они наверняка слышали о нём как о невиновном, какова бы ни была его жизнь, в которой, однако, они [донатисты] не смогли доказать ни одного преступления. Более того, даже против того мира, который заявляет: «Что вы имеете против своих граждан, того я не мог знать, и не должен осуждать того, чего не знал», они приводят свидетельство Апостола: [виноваты] *не только те, кто делают, но и те, кто сочувствуют делающим* (Рим. 1, 32). В самом деле, было бы небольшим проступком осудить столь многие и великие христианские народы, не слушая их, если бы они не осмелились обратить против самого Апостола, безусловно, его собственные слова, но не отражающие его мысли!

В самом деле, если это означает уживаться с нечестивыми, жить с ними в Церкви, то и Павел уживался и с лжебратьями, среди которых, как он заявлял, он находился в опасности и которым он позволял проповедовать Евангелие, зная, что они проповедовали его не чисто, а из зависти и без любви. Если же, с другой стороны, ладить с делающими зло означает не что иное, как одобрять и восхвалять их дурные поступки, то мир, по примеру Апостола, не одобрял бы преступлений африканцев, даже если бы, узнав о них, терпел их ради мира Церкви.

Однако то, что мир знал о них, донатисты не доказывают, даже если им удастся доказать истинность [преступлений].

**Следует больше верить Божьим обетованиям,
чем словам донатистов**

IV.6. Итак, безосновательно утверждает Пармениан, что осуждённые в Африке предатели были приняты заморскими провинциями в общение святости. Мы не должны этому верить, чтобы нам не осудить с кощунственной дерзостью и на основании ложного обвинения весь мир, основанный на единстве Христа, вместо того, чтобы любить его на основании истинного обетования Божия. Что более достойно веры — то, что сказал Бог: *В семени твоём благословятся все народы* (Быт. 22, 18) или то, что говорят они: «В семени африканских предателей прокляты все народы»? Но тогда не будет ли более важным то, что совершило зло, чем то, что обещала истина? Итак, не предпочтительнее ли верить, что те, кого принимали в общение заморские провинции, были либо невиновны, а потому не могли быть притеснены своими клеветниками, — и это может быть доказано многими документами — либо что, поскольку нельзя было доказать их дурное поведение, даже если они и были дурными, они считались невиновными и принимались, так что принимающие их не заражались какой-либо заразой? Но есть ещё кое-что. Даже если по вине дурных братьев, которых терпел Апостол в единстве Церкви, и тех, о ком сокрушается мученик Киприан в послании «О падших»⁴²; даже если, повторяю, по вине подобных братьев, также присутствовавших в составе судей, стало невозможным, с некоторой недобросовестностью, выявить и исключить предателей, и христианский мир был бы обманут их притворной невиновностью, он не совсем потерял бы свою невинность.

То, что он говорит об Осии Кордубском, должно быть доказано

IV.7. Относительно того, что он сказал про Осию Кордубского, некогда кафеолического епископа, следует потребовать, чтобы они доказали, не только то, что он был таким, каким они его изображают, но и то, что именно таковым он был хорошо известен тем, с кем, как они утверждают, он состоял в общении. Ведь, если они этого не докажут, нет смысла

42 *Cyprianus Carthagenensis. De lapsis* 6.

говорить, что они знают, кем он был. А поскольку он не мог причинить вреда тем, кто его не знал, то и они [донатисты], отделяя себя от этих невинных, не могут быть невинными именно в силу святотатственного нечестия самого отделения. Это наиболее вероятное объяснение — при условии, что Осий, осужденный испанцами, был оправдан галлами — не исключено, что испанцы, введённые в заблуждение ложными обвинениями, обманутые и хитро уловленные, вынесли приговор невинному человеку, но впоследствии мирно с христианским смирением приняли приговор своих коллег, которыми была доказана его невинность. В самом деле, они боялись, что, защищая прежнее своё решение с гневным и настойчивым упрямством, ослепленные нечестием, они могут впасть в кощунство раскола, которое превосходит все преступления. Так и сделали эти несчастные [донатисты], которые, даже после того, как столько раз делились и распадались, не понимают, что они сделали.

Почему донатисты неизлечимы

IV.8. Итак, они ясно обнаруживают, почему они стали неизлечимыми: они боятся, видимо, того, что будут вынуждены осудить прежнее решение, которое они необдуманно вынесли против отсутствующего Цецилиана, если из уважения к истине и миру согласятся с решением суда, произошедшего за морем, в котором они потерпели поражение от присутствующего Цецилиана. Но победа, которую они одержат, обуздав человеческий гнев, по крайней мере, после суда, будет большей, чем если бы они победили этого человека на суде! Ведь та победа более возвышенная и более полная, чем самый большой триумф, которая одерживается не только над человеком, но и над целым городом, как говорит Писание: *Лучший тот, кто победил гнев, чем тот, кто захватил город* (Притч. 16, 32). Так вот, они хотели победить человека, но гнев побеждал их; и поскольку они не могли победить человека, они были побеждены и человеком, и гневом: человеком — потому что на суде были побеждены, гневом — потому что, даже побеждённые, не успокоились, видя, что с сердцем, исполненным лукавства, читают или слушают слова Апостола: *Ибо если я снова создаю, что разрушил, то сам себя делаю преступником* (Гал. 2, 18). Конечно, если бы даже сам Апостол понимал эти слова в таком извращенном духе, он не стал бы ни христианином, ни апостолом; и как проповедник, он не стал бы создавать церкви, которые прежде как гонитель разрушал. Поэтому ни в одном случае

они [донатисты] не показали так ясно причину, по которой они, даже потерпев поражение, не захотели исправиться, как в своей ненависти к испанцам, которые, после того, как вынесли другие решения, уступили последующему обсуждению и приговору коллег. В самом деле, такое отношение является плодом христианского послушания, а другое — дьявольского упрямства. Поэтому неудивительно, что благодаря этому смирению мир был сохранён, а благодаря тому высокомерию — разрушен. Более того, то, что они сделали, по праву возвращается к ним, поскольку они научили этому своё потомство. Ибо и максимианисты, чтобы не уступить собору своих трёхсот десяти коллег, которые признали Примиана невиновным, ранее осужденного ими самими, — в своём отчаянном упорстве не нашли другого аргумента, чтобы возразить невеждам, кроме этого изречения Апостола: *Ибо если я снова созидаю, что разрушил, то сам себя делаю преступником* (Гал. 2, 18). Итак, сто коллег разрушили Примиана, а с тремястами не хотели снова его созидать. Таким образом, когда они делают вид, что стараются не восстанавливать человека, которого разрушили, они с большим кощунством разрушили самих себя в другом расколе.

**Если бы Пармениан был жив, он был бы более осторожен
в своих обвинениях**

IV.9. И все же, если бы Пармениан был жив, он больше не осмелился бы упрекать испанцев или называть их уклончивыми за то, что они приспособили своё суждение к суждениям своих коллег именно для того, чтобы не обидеть своих собратьев, многие из которых, уже после осуждения Примиана, склонились к лучшему и перешли к собору трёхсот, предпочитая выступать против своих поспешных решений, чем против мира единства, даже в партии Доната. И Пармениан больше всего уважал бы Претекстата Ассуритского и Фелициана Муститанского, которые, хотя и были осуждены тремястами десятью епископами, их коллегами, ради согласия вернулись к тем, кто их осудил; и, во имя мира, они были приняты осудившими с такой же любовью, без какого-либо оскорбления их достоинства, никто и не думал перекрещивать тех, кого крестили в расколе. Неужели оттого, что Пармениану не очень нравятся те, кто пересматривают свои решения, и который, не понимая Апостола, называет их уклонистами, он стал бы ненавидеть этих двоих [Претекстата и Фелициана] за то, что они решили вернуться внутрь [Церкви], вместо того, чтобы оставаться снаружи? Или он вместе с некоторыми

из своих товарищей создал бы партию пармениан, как уже выросло по всей Африке много [других] ответвлений от этого великого ствола? Да, это так, это неизбежно: те, кто предпочёл гордость своей вражды святейшим узам католического мира, разделённые и рассечённые на части, исчезают. В действительности нам следует не столько бояться обвинений Пармениана, сколько исследовать его признания.

**Донатисты обвиняют прочие области в глупом нраве
и неистовстве**

V.10. Когда он сказал, что Цецилиану была предоставлена помощь в лице испанца Осии, чтобы заставить множество святых и безупречных войти в их общество, но что вера рабов Божиих осталась неповреждённой перед лицом этого нечестия, чуть ниже он признал, что его собственные друзья также обратились к Константину и, при его третейском суде, дело было передано на рассмотрение судей-епископов под председательством Мильтиада, епископа Рима. Но так как на этом суде, как свидетельствуют Церковные деяния, они [донатисты] потерпели поражение и Цецилиан был признан невиновным, то они обвинили в самого Мильтиада в том, что он предатель. Теперь я спрашиваю: когда они об этом узнали? Если до суда, то они не должны были вредить себе, начав дело перед таким судьёй и подчинившись, хотя бы по повелению императора, к которому они сами обратились, суду такого трибунала. Если же они говорят, что только после слушания дела и вынесения приговора узнали, что Мильтиад был предателем, то неужели люди глупы до такой степени, что верят обвинениям, произнесённым проигравшей стороной против судей, перед которыми они проиграли дело? Тем не менее, во всём этом они с большой смелостью обвиняют италийцев, испанцев и галлов, пренебрегая всеми другими провинциями и народами, от которых они отделились в гнусном святотатстве и которым преступления италийцев, испанцев и галлов, несомненно, не могли бы навредить, даже если бы они подтвердились. В действительности же они, ослепленные прихотью или, вернее, гневом, обвиняют все другие страны и гневаются на них за то, что, хотя в Африке есть две партии — одна, дескать, состоящая из предателей, а другая из невиновных, — те предпочли соединиться с предателями, а не с невиновными. Глупое обвинение, которое опровергается очень немногими и очень чёткими словами. В самом деле, эти страны, хотя они и слышали, что в Африке есть две партии, одна из предателей, а другая из невиновных, считали

невиновной ту, что выиграла дело у ближайших церковных судей. Поэтому те, кто, несмотря на незнание хода событий в Африке, верили в то, во что должны были верить, в благочестивом и миролюбивом духе, всегда оставались невиновными. Поэтому отделение от этих невинных никак не могло быть невинным фактом.

Встреча в Арелате между судьями и вовлеченными сторонами

VI.11. Пармениан также признаёт, что в Арелате встречались судьи-епископы и партии Африки, то есть Цецилиан и донатисты. Здесь он полностью доверился своим людям, которые, потерпев поражение, ничего не могли сделать, кроме как пожаловаться на судей. Однако он не отрицает, что они ещё раз обратились к Константину; и так как и в этом случае они потерпели поражение на окончательном суде, он [Пармениан] обвинил в продажности также и его. Теперь, приняв всё это во внимание, тем, кто судит беспристрастно, следует выбирать, кому верить: судьям ли, вынесшим приговоры, или тяжущимся, против которых они были вынесены, которые отказались положить конец спору. Без сомнения, мир поверил судьям. Напротив, те, кто сочувствуют донатистам и защищают их, признают, что они верят тем, кто в стольких заморских разбирательствах не сумел выиграть своё дело, каким бы оно ни было, и которые с наивной доверчивостью принимают жалобы и обвинения в адрес судей. Поэтому, если в этом вопросе они объявляют себя невиновными и легкомысленно отказываются верить в то, что истина победила тех, кто потерпел поражение, то насколько более невиновны те, которые отказываются легкомысленно верить в какое-то зло тех же судей, на которых неизбежно жалуются побеждённые! Ведь не только проигравшие правое дело сетуют на беззаконие, медлительность и нерадивость судьи, но и тот, кто проиграл совершенно справедливо, ропщет на ни в чём не повинного судью в том же ослеплении, с которым он судился со своим невиновным противником. Поэтому они [донатисты] негодяи не потому, что не хотят легкомысленно верить чему-либо о побеждённых людях, а потому, что в неистовстве раскола отделились от тех невинных, которые, по многим веским причинам, не хотят верить никакому злу о судьях.

Образ Филадельфийской церкви

VII.12. Итак, да восстанет одна из церквей тех областей: та, которая во имя Христа является, если хотите, самой благородной из семи, а именно Филадельфийская (см. Откр. 1, 11) — которая в своём мистическом имени на греческом языке указывает на братскую любовь. Послушаем её голос; и пусть говорит не её солома, а пшеница. Если скажет им [донатистам]: «Что вы имеете против меня, братья, в чём меня обвиняете? Как далеко я от Африки в плане земного пространства, вы могли отчасти знать и отчасти слышать. Я даже не знаю, что тогда там у вас делали предатели, либо обвинители и обличители предателей, либо клеветники и притеснители невинных. Но Сам Господь наш, Который ценою Своей крови искупил мир, и чьё святое приобретение пророк за много лет прославлял, говоря: *Пронзили руки Мои и ноги, исчислили все кости Мои. Они посмотрели и разглядели Меня, разделили ризы Мои и об одежде Моей бросили жребий* (Пс. 21, 17–19), Он не устроил между нами и вами никакой пустоты, где не было бы христиан, но наполнил всё святостью Своего имени. В том же псалме Страстей, по сути, была объявлена не только уплаченная цена, но и количество купленного. Ведь там же чуть ниже сказано: *Вспомнят и обратятся к Господу все концы земли, и поклонятся пред Ним все племена народов, ибо Господне есть царство, и Он владычествует над народами* (Пс. 21, 28–29). Быть может, я должна бы была рассудить о вашем споре, если бы находилась близко или настолько далеко, что между нами и вами не жили бы другие христиане, отмеченные тем же именем и пребывающие в том же самом единстве. Но между нами и вами многие семьи народов, приобретённые вместе со мной кровью Того, перед Кем они все преклоняются вместе со мной. Через них до меня дошла молва о вас; и именно они, находясь по соседству, могли бы изучить ваше дело. Если этого не было сделано, то вы проявили небрежность; ибо если бы другие не пренебрегли вами, вы бы не пришли к нам. Но если был суд, извините меня: я не смею легкомысленно верить в то, что вы победили, и столь же легко осуждать ваших судей. Мне хочется сказать другое, что сильно меня беспокоит: если бы вы, хотя и невинные, были притесняемы, вы бы, по крайней мере, любили нас, братьев, которые не сделали вам никакого зла. Напротив, хотя мы и знаем, что ваше дело, согласно справедливому церковному закону, было поручено вашим соседям, которые знают перед Богом, как они судили, вы тем не менее пытаетесь разорвать нас клеветой и преследовать нас с жестокой ненавистью и, как бы по вашей вине Христос лишился Своего наследия у нас, вы даже пытаетесь нас перекрещивать. Итак, что хорошего мы можем думать о вашем деле? Ведь вы, из-за необдуманных подозрений не колеблясь осудить

своих братьев, находящихся далеко, показываете, насколько правы были ваши соседи, осуждая вас. Почему бы мне не поверить, что прав был ближайший судья, выслушав и осудив того, кто, не выслушав, не колеблясь осудит меня, своего брата, находящегося так далеко, кто обвиняет меня в том великом преступлении, что, дескать, я, не имея возможности присутствовать в суде, предпочитал верить не тяжущимся, а судьям, которым было передано дело? Но если бы я не предпочитал верить судьям, даже если бы побеждённые были невиновны, я не мог бы быть невиновным. Мы были бы соучастниками великого преступления, если бы, не умея всматриваться в сердца людей, не соблюдали церковной дисциплины, отказываясь верить судьям, дальше которых не могло идти дело и через которых до нас могла дойти весть. Что же, ты, отделивший себя от этих невинных нечестивым разделением, ещё считаешь себя невиновным? Если бы ты действительно был таковым, видя в Священных Писаниях, что жатва Господа твоего не может быть отделена от сорняков и плевел до окончательной сортировки и веяния, ты бы скорее предпочёл быть сильным в перенесении зла, чем нечестивым в оставлении добра». Мы полагаем, что Церкви, разбросанные по всему миру, могли бы произнести ту же самую справедливую речь, которую я вложил в уста Церкви Филадельфии!

Не всякий, наказанный императором, есть мученик

VIII.13. Однако Пармениан осмеливается жаловаться и на то, что Константин велел велел отвести в лагерь, то есть на казнь, тех, которые, потерпев поражение перед церковными судьями, не смогли доказать своих обвинений и перед ним и всё же были движимы святотатственной яростью к членам Святой Церкви. Он обвиняет его в том, что он отдал этот как бы бесчеловечный приказ по предложению испанца Осия: как всегда, не выслушав, осуждает только на основании собственных подозрений. Как будто нельзя поверить, и было бы более естественным и более вероятным, что, следуя предложениям Осия, как епископа, император смягчил приговор за весьма тяжкое преступление — святотатство раскола. В самом деле, какую несправедливость они [донатисты] терпят, когда получают наказания от верховного судьи Божия, который председательствует на суде и который увещевает их этими бичами остерегаться вечного огня — получают наказания как за свои преступления, так и по приказу властей? Пусть они сначала докажут, что они не еретики и не раскольники, а уж потом, если понесут наказания, пусть свободно кричат о своих незаслуженных наказаниях;

только тогда, когда они несут такие наказания, они смеют называть себя мучениками истины. А иначе, если достаточно, чтобы стать мучеником, быть наказанным императором или посланными им судьями, то все тюрьмы наполнены мучениками, все судебные цепи тянут мучеников, во всех рудниках страдают мученики, на все острова сосланы мученики, во всех тюрьмах меч закона поражает мучеников, и мученики все те, которые брошены на съедение зверям или заживо сожжены на костре по повелению судей. Но если, как говорит Апостол, *нет власти не от Бога, и Божий слуга есть отмститель во гневе делающему злое, и не напрасно носит меч. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее* (Рим. 13, 1–4). Воистину, хороший человек, который страдает, получает похвалу от власти, которая заставляет его страдать; что касается злодея, то не вменяйте наказания, которых он заслуживает за свою несправедливость, жестокости власти.

Донатисты не получают заслуженного наказания

VIII.14. И все же какое наказание они [донатисты] получают за свои преступления? Конечно, что у многих людей сердце не в груди, а в глазах. Поэтому, если из смертной плоти брызнет кровь, наблюдатель приходит в ужас; если души, отрешившиеся и отделившиеся от мира Христова, умрут в святотатстве раскола или ереси, то никто не плачет, потому что ничего не видно. Более того, эта смерть, более мрачная, более скорбная и, точнее сказать, более верная, в силу обычая, является даже предметом насмешек, учитывая, что виновные в таком количестве смертей предаются публичным оскорблениям и даже не благоволя начать с нами беседу для выяснения истины. Если же они терпят какую-нибудь временную тяготу за вполне ясный и справедливый приказ властей, несмотря на то, что они со своими частными яростными шайками каждый день и повсюду совершают гораздо более серьезные действия, вне всякого церковного и гражданского права, они при этом называют нас гонителями тел, но не считают себя убийцами душ, хотя и позволяют себе не уважать даже тел. Но так как по христианской кротости гораздо строже наказывают за глаз, вырванный в споре, чем за ослепление духа в расколе, то против нас продолжают проповедовать и говорить, а с нами не говорят; и хотя истина заставляет их молчать, не даёт им молчать беззаконие.

**В противном случае даже преследуемых демонов можно было
бы считать мучениками**

IX.15. Но может быть, император или его посланники не имеют права вмешиваться в дела религии? Зачем же тогда ваши послы отправились к императору? Почему они сделали его судьёй в своём деле, если решили не принимать его решения? Но к чему направлены эти речи? Даже если они поймут, что не императору назначать наказания тем, кто заблуждается в религии, всё же, если он это сделает и накажет их, будут ли они мучениками? Но таким образом это звание будет распространено на всех еретиков, против которых тайная сила (*imperio*) Божия установила через явную силу (*impregium*) человеческую многие и очень суровые принудительные наказания, и не только на еретиков, сколько-нибудь облечённых, по крайней мере, в христианское имя, но и на самих язычников. Воистину, они тоже нечестивы из-за своей ложной религии; и недавние законы приказали уничтожить и разрушить их идолов, а их жертвоприношения запретить под страхом смерти. И вот, если один из них будет осуждён за такое преступление, то должен ли он считаться мучеником, потому что он был наказан законами за суеверие, которое он считал святой религией? Конечно, никто, каким бы христианином он ни был, не посмеет так сказать. Следовательно, не каждый, кого император наказывает за религиозное дело, становится мучеником. Но те, кто так думают, не осознают, что они зашли так далеко, что утверждают, будто сами демоны могут претендовать на славу мучеников, учитывая, что они терпят такие гонения со стороны христианских императоров, что почти во всём мире разрушены их храмы, повержены их идолы, запрещены их жертвоприношения, а те, кто чтит их, подвергаются наказанию, как только их поймают. Но если говорить так действительно безумно, то отсюда следует, что не из страдания возникает истинное правосудие, но из правосудия прославляется страдание. Поэтому Господь, чтобы в этом вопросе никто не затуманивал умы простодушных и не стал бы искать славы мучеников, в осуждение собственных заблуждений, не сказал в общем: «*Блаженны изгнанные*», но добавил значительное различие, которым истинное благочестие отделяется от святотатства. Ведь Он сказал: *Блаженны изгнанные за правду* (Мф. 5, 10). Значит, совсем не за правду страдают те, кто разделил Церковь Христову и которые, раньше времени притворной справедливостью пытались отделить её от плевел, преследуют её пшеницу ложными обвинениями. Они сами скорее были отделены от неё переменчивыми ветрами мнений, как очень лёгкая мякина.

«Но мы этого не делали», — говорят они. Тогда, во-первых, пусть подумают о том, чтобы освободиться от этого вопроса, а потом попытаются, если потерпят притеснения и наказания от христианских императоров, перестать жаловаться или принять наказание к [своей] славе. А по вопросу о расколе, если бы я и не сказал ничего другого, достаточно было бы того, что я сказал выше.

Не императоры должны подавлять расколы

Ж.16. Но, может быть, кто-то скажет: даже если будет доказано, что они находятся в святотатственном расколе, и что пострадавшие за это безумие не являются мучениками, всё же не подобает императорам пресекать и карать заблуждения? Но что они имеют в виду под этим? Что власти не должны иметь дело с порочной и ложной религией? Но мы уже много сказали о язычниках и даже о демонах, что они терпят столько гонений от императоров. А, и это тоже не нравится? Почему же они [донатисты] разрушают, где могут, [языческие] храмы и не перестают, посредством ярости циркумцеллионов, совершать такие дела или оправдывать их? Или частное насилие более справедливо, чем императорская бдительность? Но я не об этом. Я вот, что хочу спросить: так как Апостол перечисляет известные дела плоти: *блуд, нечистоту, непотребство, идолослужение, чародейство, вражду, ссоры, зависть, упрямство, распри, ереси, ревность, пьянство, разгул и подобное этому* (Гал. 5, 19–21) — что о них думают донатисты, которые считают правильным, что императоры наказывают преступление идолопоклонства? Если же они и этого не хотят, то почему же признают правильным применение строгости законов против чародейства, а против еретиков и нечестивых расколов не хотят признать, несмотря на апостольский авторитет, причисляющий их к плодам беззакония? Или они даже не позволяют властям человеческого учреждения заботиться об этих плодах? Почему же тот, кто называется Божиим слугой, отмстителем в наказание делающему злое, *носит меч* (Рим. 13, 4)? Если, как привыкли понимать некоторые из них, совершенно несведущие, в этом тексте речь идёт только о церковных почестях и под мечом поэтому надлежит разуметь то духовное наказание, которое выражается в отлучении от общения, то Апостол, весьма предусмотрительно, хорошо объяснит, о чём говорит, в последующем рассуждении. Действительно, он добавляет: *Для сего вы и подати платите*; и тотчас после: *Воздавайте всякому должно: кому подать, подать; кому оброк,*

оброк; кому страх, страх; кому честь, честь (Рим. 13, 6–7). Им ничего другого не остаётся теперь при всех их рассуждениях, как запретить христианам платить подати, хотя Господь, в ответ фарисеям, придерживавшимся такого же мнения, тем, которым подражают донатисты, посмотрев монету, сказал: *Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу* (Мф. 22, 21). По правде говоря, они непослушны и нечестивы в обеих заповедях: не воздают ни христианской любви Богу, ни человеческого страха царям. Они настолько слепы и неразумны, что, изгнав из базилик с помощью властей, присланных кафолическими императорами, своих раскольников максимианистов и вынудив их выдать базилики с помощью великой силы законов и солдат, обвиняют Кафолическую [Церковь], если кафолические князья прикажут совершить что-то подобное в её пользу. Что касается с максимианистами, то прежде чем стать максимианистами, то есть когда они ещё были объединены в единую общину донатистов, то пусть вспомнят, сколько жестокостей и сколько пыток претерпел Рогат Мавр от Фирма, царя варваров! Поэтому пусть молчат и не смеют упрекать, если они получают подобные наказания за свой раскол с ними либо от примианистов, либо вместе с примианистами за раскол донатистов. И это уж точно не из-за святой религии, а из-за своей святотатственной вражды.

Дела донатистов гораздо более серьёзны, чем меры против них

XI.17. Может быть, [донатисты] скажут, что они получили более суровые наказания от кафолических императоров, чем те, которые они наложили на рогатистов через варварских царей и на максимианистов через судей, посланных кафолическими императорами; или чем те наказания, которые они налагают на кого только могут с помощью неистовства циркумцелионов. И вопрос как будто бы состоит в следующем: являются ли понесённые наказания более суровыми, чем нанесённые. С этим я никак не могу согласиться. По правде говоря, число их действительно ужасных и тяжких деяний велико, вернее, им нет числа! Даже если бы их было немного или если бы они заставляли свои жертвы меньше страдать, они, безусловно, были бы более жестокими именно потому, они исходят не от приказа обычных властей, а являются результатом беспорядочной ярости. Однако оказывается, что не так уж много преступных действий они совершили в отношении максимианистов через судей человеческих учреждений. К этому же роду деяний пусть отнесут, если желают, также и те, которые были осуществлены

ими для преследования Рогата Мавра через варвара Фирма; и хотя он безжалостный враг римлян, они причисляют его к законным властям. Однако подобные случаи не так многочисленны, как те, которые они совершают каждый день с помощью бешеных банд пьяных юношей, как начальники подстрекая их, которые раньше были вооружены только палками, а теперь стали вооружаться и железом. Они, известные под именем циркумцеллионов, бродят и бесчинствуют по всей Африке, действуя против всякой законности и власти. И когда об их преступлениях сообщают донатистам, они либо делают вид, что не знают этого рода людей, либо с большим бесстыдством и вопреки общему убеждению утверждают, что не имеют к ним никакого отношения. Не прислушиваются они и к голосу всего мира, который, с гораздо большей долей искренности и правды, утверждает, что ему неизвестно содеянное в Африке как партией Доната, так и против партии Доната, учитывая, что донатистским епископам, проживающим в Африке, позволено либо не знать деяний донатистских циркумцеллионов, либо говорить, что они их не касаются.

Наказывать расколы и ереси законно

XI.18. Но, как я уже говорил, теперь следует понять не то, суровее ли те наказания, которые они претерпевают, тех наказаний, которые они причиняют, а то, допустимо ли так поступать с еретиками и раскольниками. Если они говорят, что это недопустимо, почему они это делают? Если же они признают, что это допустимо, и доказывают (хотя они решительно не могут этого сделать), что наказания, полученные от кафолическими императоров, более суровы, чем те, которые донатисты налагают на своих раскольников через императорских судей и варварских царей, или даже чем те, которые они причиняют всякому народу посредством безумства циркумцеллионов, — даже это не должно нас удивлять: правда, что князья имеют больше власти, чем посланные ими судьи, римские императоры — больше, чем варварские цари, и что разбойник справедливо получает самые суровые наказания по законам за тяжкие деяния, которые он совершает против законов. Поэтому правильно, что, в соответствии со справедливыми установлениями, покровители циркумцеллионов должны страдать больше, чем заставляют страдать циркумцеллионы. Однако христианская кротость так велика, что их преступления несравненно больше, чем их наказания. Но вот: триста десять епископов-донатистов на своём соборе осудили

максимианистов, а они с извращённым упорством отказывались покинуть базилики. Обратились к судьям; их постановление было включено в проконсульские акты. После этого тем, кто был осуждён таким количеством епископов, было приказано покинуть базилики. Те, кто покидал их без труда, страдали мало; кто же не знает, как пострадали те, которые дерзнули сопротивляться? Но предположим, что свирепость сопротивляющихся была бы так велика, что дошла бы до оскорблений в адрес судей, не правда ли, римские законы наказали бы их более сурово? Это произошло и тогда, в конце спора, в результате которого донатисты отделились от кафолической общины: стали следить за тем, чтобы они не удерживали базилики, и они их удерживали только сопротивляясь императорским приказам, они сопротивлялись так, что известное насилие циркумцеллионов взяло верх. Следует добавить, что они с такими же жестокими и кровавыми беспорядками нападали и на гонцов, которых император разослал по всей Африке с дарами церквам. Поэтому против них были изданы такие законы, которые не позволяли им удерживать даже базилики, не принадлежащие к единству [Церкви], но которые были построены отделившимися и уже утвердившимися в их расколе. В этом деле царская власть отомстила за полученные обиды. Чем, в самом деле, могут справедливо владеть враги справедливости?

Против них были приняты суровые законы

ХII.19. И не найдено, чтобы император издал закон в их пользу, кроме Юлиана Отступника, который глубоко ненавидел христианский мир (рах) и единство, впрочем ему не нравилась и сама религия, которой он нечестиво злоупотреблял. Донатисты обратились к нему с мольбой, как свидетельствуют судебные акты, к которой приложили то, что имели, и сформулировали жалобу в таких выражениях, что те, кто из страха одобряли Юлиана в его поклонении идолам, были, пожалуй, более сдержанны, чем эти [донатисты], которые хвалили его с рвением. Ведь они сказали ему, что в нём есть место только справедливости. Что же иное они сказали, как не то, что христианская святость не есть справедливость, ведь ей в нём не было места? Или что поклонение бесам, занимавшее в нём первое место, есть справедливость? И кто не знает суровые законы, изданные против них другими императорами? Среди этих законов есть один общий — против тех, кто хочет называться христианами и не состоит в общении с Кафолической Церковью,

а собирается в свои секты. Он гласит: рукоположивший клирика и сам рукоположенный подлежит штрафу в десять фунтов золота, а место, где собирается нечестивая секта, конфискуется. Затем есть другие общие положения, которые лишают их права составлять завещание, давать или получать что-либо по дарственным и составлять завещания. Ведь был случай, когда знатный человек обратился с просьбой к императорам, потому что его сестра из партии Доната, умирая, оставила много имущества не знаю кому из членов её общины, в частности, некоему Августину, их епископу. Согласно вышеупомянутому общему закону, ему было приказано вернуть всё брату. В постановлении также упоминались циркумцеллионы и виды сил и средств, с помощью которых можно было бы отразить их атаки, если бы они, как обычно, оказали яростное сопротивление. Вот так они были известны и своими набегами дали о себе столько доказательств, что ни проситель императора, ни сам император не могли молчать о них.

Но к ним применяется великая христианская кротость

XIII.20. Но даже если это действительно так, и если это осуждается приговорами, налагаемыми человеческими и божественными законами, то христианская кротость тем не менее так велика, что они не только сохраняют базилики, которые построили уже в расколе, но и не возвращают [кафолическому] единству все те, которыми единство обладало с самого начала. И в то время как донатисты изгоняли максимианистов из базилик партии Доната с помощью судей, присланных кафолическими императорами, сами они не изгоняются из многих мест, которыми когда-то владело кафолическое единство, не изгоняются даже по законам самих кафолических императоров. Наконец, если кто в чём-либо поступил с ними неумеренно, так что христианская кротость была нарушена, то сожалеет об этом зерно жатвы Господней, то есть христиане, достойные похвалы во Христе, которые произрастают в Кафолической Церкви во всем мире, принося либо стократный, либо шестидесятикратный, либо тридцатикратный плод (см. Мф. 13, 23).

Призыв бороться и терпеть плевелы в Церкви

XIV.21. Поэтому присоединяйтесь к нам в обвинении плевел в кафолической жатве со всем старанием, но вместе с нами не отказывайтесь нести их со всем терпением. Тот, кто не хотел раньше времени вырвать

плевелы и отделить их от примеси с пшеницей, сказал: *Оставьте расти вместе то и другое до жатвы* (Мф. 13, 30). И когда ученики просили Его объяснить значение притчи, он не сказал: «Поле есть Африка», но: *Поле есть мир сей* (Мф. 14, 38), и это во всём мире засеяна эта жатва, по всему миру были посеяны сорняки, и по всему миру и то, и другое растёт до жатвы. Был ли Донат главным жнецом? Или в то время, когда донатисты отделились от мира, наступило время жатвы? Ведь Сам Господь, чтобы никому не было позволено давать произвольных толкований, очень ясно сказал: *Жатва есть кончина века, а жнецы суть Ангелы* (Мф. 14, 39). Такие жнецы не могут ошибиться и собрать пшеницу вместо плевел и сложить плевелы вместо пшеницы. Ныне донатисты, убегая от того, что кажется им плевелами, сами оказались плевелами и с неприкрытым кощунством проповедуют против заповеди Господней. Ведь, хотя Господь говорит: *Оставьте расти вместе то и другое до жатвы* (Мф. 13, 30), донатисты утверждают, что на самом обширном поле, которым является мир, растут только плевелы, тогда как пшеница уменьшилась и осталась только в Африке; и таким образом они наносят святотатственное оскорбление Христу, нашему Царю и Государю. Ибо написано: *Во множестве народа — величие царя, а при малолюдстве народа беда государю* (Прем. 14, 28). Но теперь пора, я полагаю, сделать точный разбор самых текстов Писания, которые донатисты толкуют ошибочно, обманывая несведущих; и, с помощью Господа, объяснить их в смысле кафолической истины.

Источники

- Acta martyrum Saturnini presbyteri // PL. T. 8. Col. 688–715.
- Augustinus Hipponensis. Breviculus collationis cum Donatistis // PL. T. 43. Col. 613–650.
- Augustinus Hipponensis. Contra Cresconium Grammaticum Donatistam libri IV // PL. T. 43. Col. 495–546.
- Augustinus Hipponensis. Contra epistulam Parmeniani // PL. T. 43. Col. 31–50.
- Augustinus Hipponensis. Contra Gaudentium, Donatistarum episcopum // PL. T. 43. Col. 707–752.
- Augustinus Hipponensis. Enarrationes in Psalmos 101–150 / ed. E. Dekkers, J. Fraipont. Turnhout: Brepols, 1956. (CCSL; vol. 40). P. 1425–2260.
- Augustinus Hipponensis. Epistulae // PL. T. 33. Col. 61–1094.
- Augustinus Hipponensis. Liber de unitate Ecclesiae contra Donatistas // PL. T. 43. Col. 391–446.
- Augustinus Hipponensis. Opera. Vol. 7/1. Scripta contra Donatistas: Psalmus contra partem Donati. Contra epistulam Parmeniani libri tres. De baptismo libri septem / ed. M. Petschenig, A. Goldbacher, J. Zycha, P. Knöll. Vindobonae: Tempsky, 1908. (CSEL; vol. 51).

- Augustinus Hipponensis*. Post collationem ad Donatistas liber unus // PL. T. 43. Col. 651–690.
- Augustinus Hipponensis*. Sermo 46 // PL. T. 38. Col. 270–295.
- Cyprianus Carthagenensis*. Opera omnia. Pars 2: Epistulae / ed. W. Hartel. Vindobonae: Apud C. Geroldi Filium Bibliopolam Academiae, 1871. (CSEL; vol. 3/2).
- Eusèbe de Césarée*. Histoire ecclésiastique. Livres VIII–X / éd et trad. G. Bardy. Paris: Cerf, 1984. (SC; vol. 55).
- Eusèbe de Césarée*. Vie de Constantin / texte critique par F. Winkelmann, intr. et notes L. Pietri, trad. M.-J. Rondeau. Paris: Cerf, 2013. (SC; vol. 559).
- Hieronymus Stridonensis*. De viris illustribus // *Hieronymus*. De viris illustribus liber. Accedit Gennadii Catalogus virorum inlustrium / hrsg. W. Herding. Lipsiae: Teubner, 1924. S. 1–112.
- Optat de Milève*. Traité contre les donatistes. T. 1: Livres I et II / éd. et trad. par M. Labrousse. Paris: Cerf, 1995. (SC; vol. 412).
- Optat de Milève*. Traité contre les donatistes. T. 2: Livres III à VII / éd. et trad. par M. Labrousse. Paris: Cerf, 1996. (SC; vol. 413).
- Optatus Milevitanus*. De schismate donatistarum adversus Parmenianum // PL. T. 11. Col. 883–1104B.
- Tychonius Afer*. Liber de septem regulis // PL. T. 18. Col. 15–66.
- Августин, блж.* Христианская наука или Основания священной герменевтики и церковного красноречия. СПб.: Библиополис, 2006.
- Иероним Стридонский, свт.* О знаменитых мужах // Подвижники: Избранные жизнеописания и труды. Т. 2. Самара: Агни, 1999. С. 176–226.
- [*Тихония Африканца*] Книга о семи правилах для исследования и нахождения смысла Священного Писания (Liber de septem regulis ad investigandam et inveniendam S. Scripturae intelligentiam) / Пер. П. Б-ов // Прибавления к ТСО в рус. переводе. 1892. Вып. 48 (март). С. 184–252, 333–373 = Альфа и Омега. 1999. Вып. 3(21). С. 57–81; Вып. 4(22). С. 77–102; 2000. Вып. 5(23). С. 51–66.

Литература

- Болотов В. В.* Лекции по истории древней Церкви: История Церкви в период до Константина / изд. под ред. и с предисл. проф. А. Бриллиантова. Т. 2. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1910.
- Дворкин А. Л.* Очерки по истории Вселенской Православной Церкви: Курс лекций. Нижний Новгород: Изд. Братства во имя св. князя Александра Невского, 2005.
- Дилигенский Г. Г.* Северная Африка в IV–V веках. М.: Изд. АН СССР, 1961.
- Кечкин И. Э.* Пармениан — донатистский епископ Карфагена // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2013. № 2. С. 54–63.
- Писнов М. Э.* История Христианской Церкви (до разделения Церквей — 1054 г.). Брюссель: Жизнь с Богом, 1964.
- Робертсон Д. С.* История Христианской Церкви / пер. с 6-го английского издания А. П. Лопухина. Т. 1. СПб.: Изд. Книгопродавца И. Л. Тузова, 1890.

- Ткаченко А. А.* Донатизм // ПЭ. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2007. Т. 15. С. 654–657.
- Фаррар Ф. В.* Жизнь и труды святых отцов и учителей Церкви / пер. с англ. А. П. Лопухина. Т. 2. СПб.: Бесплатное приложение к духовному журналу «Странник», 1903.
- Faul D.* Donatism // The New Catholic Encyclopedia. Vol. 4. Washington (DC.): The Catholic University of America, 2003. P. 861–864.
- Flinn K. F.* Donatism // *Flinn K. F.* Encyclopedia of Catholicism. Detroit (Mich.): Facts On File, 2007. P. 236–237.
- Monceaux P.* Histoire litteraire de l'Afrique chretienne depuis les origines jusqu'a l'invasion arabe. Vol. 5: Saint Optat et les premiers ecrivains donatistes. Paris: E. Leroux, 1920.